

Хэ Ци отвернулся и украдкой закатил глаза. У Син Яня было множество достоинств, но он был немного глуповат. Возможно, из-за того, что плохо знал китайский, он не всегда понимал, шутит ли человек или говорит серьёзно. Если не объяснить, он мог бы действительно поверить, что Хэ Ци считает его «извращенцем». Но Хэ Ци не хотел объяснять. В общении с Син Янем он часто подшучивал над ним, просто чтобы посмотреть, как этот здоровяк будет мучиться.

Син Янь шёл сзади, наблюдая за его спиной, и с тревогой размышлял о смысле его слов. Всю дорогу он шёл осторожно, не решаясь расслабиться. Но Хэ Ци уже забыл о своих словах. Они вышли из переулка и пошли обратно по длинному склону. Вечерний закат окутал холм, фонари уже зажглись, но так как темнота ещё не полностью спустилась, мало кто это заметил. Сезон личжи был коротким, и Хэ Ци ещё хотел купить немного, но прилавки уже опустели. Лишь несколько штук осталось на полках фруктовых магазинов или супермаркетов, но они были плохого качества, оставшиеся негодные плоды. Чтобы попробовать свежие, сочные и сладкие личжи, придётся ждать следующего года.

Странно, что за последний месяц, проходя по улице, он видел личжи повсюду, но не испытывал желания их купить. Сегодня же, по какой-то причине, его вдруг потянуло на них.

— Как же хочется личжи! — Мысль, которую он хотел оставить при себе, неожиданно вырвалась наружу, словно это было самое сильное его желание в данный момент.

Даже Син Янь сказал, что сезон личжи прошёл. Хэ Ци ответил:

— Я знаю, просто говорю. Разве я сейчас пойду в горы собирать личжи?

Красота вещей заключается в их кратковременности: чем короче срок их существования, тем более ценными они кажутся. Поэтому мимолётное цветение эфемеры — это прекрасное чудо. «Один всадник в облаке пыли, и улыбка на лице наложницы» — так можно подчеркнуть, насколько роскошна любовь императора.

Они поднялись по длинному склону, прошли мимо печи для варки собачьего мяса, о которой Хэ Ци рассказывал ему, мимо двора с злыми собаками и вышли к подъезду, где Нюню когда-то играла в шарики. Хэ Ци достал из кармана ключ, открыл дверь в подъезд, а Син Янь, неся с собой несколько бутылок пива, поднялся наверх. Хэ Ци шёл за ним, и дверь с громким стуком захлопнулась за ними.

Хэ Ци пошутил, что никогда не видел, как Син Янь пьёт, и если тот упадёт после одной бутылки, он не сможет его поднять. Син Янь, подхватив его весёлый тон, ответил:

— Не бойся, я тебя подниму.

Услышав это, Хэ Ци не согласился:

— Ого! Такой наглый! Сейчас я покажу тебе, кто тут главный!

Он быстро поднялся по лестнице, обогнав Син Яня. Тот не отстал и побежал следом.

Когда они уже собирались выбежать на крышу, снизу донёсся неясный крик, и они, смеявшиеся всю дорогу, замерли на лестнице, переглядываясь.

— Что случилось?

Голос явно принадлежал Сестрице Ван. Хэ Ци сказал Син Яню:

— Ты иди, поставь пиво, я спущусь посмотреть.

Син Янь, послушав его, понёс пиво наверх. Он спешил, поэтому быстро вернулся. Хэ Ци всё это время стоял у двери, нажимая на звонок. Изнутри доносились истеричные крики, но никто не открывал. Син Янь достал из электрощитка запасной ключ, открыл дверь, и, к счастью, внутренняя дверь не была заперта. Хэ Ци схватил ручку и распахнул её, они почти одновременно ворвались внутрь.

— Что случилось?

— В чём дело?

Хэ Ци и Син Янь спросили в один голос.

Нюню сидела на полу и громко плакала, а её мать, держа в руках вешалку, сидела на диване, тихо роняя слёзы. В комнате не горел свет, и двое мужчин, ворвавшихся внутрь, были настолько потрясены увиденным, что не могли вымолвить ни слова. Только когда Нюню поднялась с пола и бросилась в объятия Син Яня, продолжая рыдать, Хэ Ци наконец заговорил с беспокойством:

— Сестрица Ван, что... что произошло?

Он недолго знал эту семью, но Хэ Ци был уверен, что Сестрица Ван не из тех матерей, которые ругают и бьют своих детей. После того как отец и бабушка Нюню ушли, он видел, как она заботилась о дочери, и понимал, что она искренне любит ребёнка. Поэтому он не мог понять, что же сделала Нюню, чтобы вызвать такой гнев.

Син Янь чувствовал себя неловко, но, в отличие от Хэ Ци, он не мог так легко выразить свои мысли. Он молча обнял Нюню, мягко успокаивая её, пока она продолжала рыдать.

Нюню, рыдая и задыхаясь, выкрикнула:

— Я хочу папу!

Услышав это, Сестрица Ван совсем сломалась. Её лицо было бесстрастным, но всё в слезах, а глаза в полумраке светились печалью и отчаянием. Нюню этого не видела, она, уткнувшись в плечо Син Яня, кричала о мужчине, бросившем их с матерью, не замечая, как выглядит её мать сейчас. Даже если бы она увидела, вряд ли поняла бы, какие эмоции отражались в её глазах.

Она, должно быть, была безумно расстроена, но ничего не могла поделать. Она молча сидела на диване, глядя на спину дочери и тихо плача. Накопившиеся за дни обиды и гнев наконец вырвались наружу. Раньше она думала, что даже если те двое бессердечных ушли, это не страшно, ведь у неё есть Нюню, её единственная дочь, ради которой она готова трудиться, чтобы прокормить их обеих. Поэтому она уволилась с прежней работы и устроилась в ближайший магазин одежды. Арендная плата на следующий месяц ещё не была оплачена, и она утешала себя мыслью, что найдёт более дешёвую квартиру поблизости. Все тяготы она несла в одиночку, никому не рассказывая о своих проблемах. Семья даже не знала, что их бросили.

Когда-то она приехала в этот город с мечтами, но какова сейчас её жизнь!

Она выпустила вешалку из рук, закрыла лицо ладонями и начала рыдать.

Хэ Ци подошёл к двери, нашёл выключатель на стене и включил свет. В комнате стало видно, что происходит. Сестрица Ван, забыв обо всём, плакала, а они с Син Янем не знали, что делать. Даже Нюню повернулась в объятиях Син Яня и растерянно смотрела на свою мать.

Хэ Ци тихо спросил Син Яня:

— Что нам делать?

Двое мужчин не знали, как справиться с ситуацией. Всё произошло так внезапно, и они никогда раньше не сталкивались с подобным. Женщина, раздавленная горем, сидела на диване и рыдала, а эти двое, не имевшие опыта в отношениях с девушками, стояли у двери, как идиоты. Даже если они не встречались с девушками, у них должен был быть опыт утешения своих матерей? Мать Хэ Ци была очень общительной, а отец никогда не повышал на неё голос. Мать Син Яня сама заставляла других плакать.

Никто не научил их, как утешать женщину их возраста, которая уже стала матерью.

Они решили сначала отнести Нюню наверх. Сестрица Ван молчала, отвернувшись, и Хэ Ци сказал ей:

— Мы отведём Нюню наверх, чтобы она остыла.

Она словно не слышала. Нюню, увидев мать в таком состоянии, повернулась в объятиях Син Яня и уткнулась лицом в его плечо, оставив видимыми только свои заплаканные глаза, губы упрямо сжатые, чтобы никто не видел её слёз.

У них с матерью был одинаковый характер: они не хотели показывать свои обиды другим, предпочитая прятать их глубоко внутри.

Хэ Ци вздохнул и похлопал Син Яня по плечу, давая понять, что нужно отнести Нюню наверх.

Купленное охлаждённое пиво под воздействием ночного ветра и лунного света постепенно теряло свою прохладу, бутылки покрывались каплями конденсата. Хэ Ци планировал сегодня напиться с Син Янем на крыше, но планы нарушились из-за неожиданных событий. Они не могли просто оставить эту мать и дочь.

— Я больше никогда не прощу маму!

Нюню сердито вытерла слёзы рукой, но только размазала соплю по лицу. Хэ Ци достал из комнаты пачку салфеток и передал их Син Яню, чтобы тот привёл её в порядок.

— Мама тебя ударила? — Хэ Ци сел рядом и спросил.

— Ударила!

Нюню, пользуясь салфеткой, громко высморкалась.

— Мама так тебя любит, как она могла тебя ударить?

— Она ударила!

С этими словами она снова заплакала.

<http://bllate.org/book/16327/1474029>